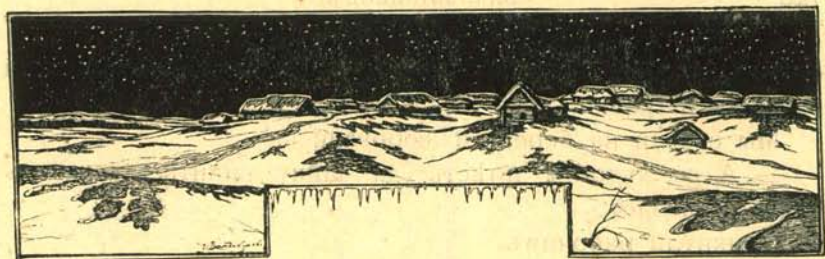

НА БІѢ.

I.

Однажды лѣтомъ, въ срединѣ августа, нашъ плотъ, миновавъ благополучно бушующіе пороги красавицы Бѣ, присталъ у лѣснаго кордона, притаившагося среди зеленѣющихъ лѣсовъ лѣваго, низменнаго берега. Какъ разъ напротивъ, на противоположномъ берегу, вздымались кверху мощнымъ уваломъ Ажи-горы. Одѣтая зеленымъ ковромъ сочныхъ травъ, съ молодымъ кудрявымъ березникомъ по террасамъ и складкамъ уваловъ, эти горы уходили внизъ и вверхъ по рѣкѣ, и видно было, покуда глазъ хваталъ, какъ то здѣсь, то тамъ льнули къ нимъ, слово дѣти къ матери, многочисленныя заимки. А вотъ за тѣмъ уваломъ, верстахъ въ трехъ отсюда, разбросился своими домишками аилъ алтайца Сурубашкина. Точно съ разбѣгу наскочилъ на гору, да духъ заняло—не добѣжалъ до вершины, и остановился на полдорогѣ: „хорошо и тутъ“. День былъ, послѣ вчерашняго дождика, ясный, солнечный. Все блестѣло необычайно свѣжими, сочными красками, точно сегодня законченная, еще не успѣвшая подсохнуть, картина. И гладь успокоенной здѣсь рѣки съ отраженнымъ куполомъ голубого неба да зеленѣющими берегами, и величественный массивъ Ажей-горъ съ игрушечными заимками свободолюбивыхъ старовѣровъ, все это, млѣя на солнцѣ, словно замерло въ сладкой истомѣ, словно молилось безъ словъ,

одними, чуть внятыми, вздохами, да благоуханіемъ каждой былинки и травки.

Мы стояли на берегу и любовались.

— А не худо-бы поѣсть, да чайку напиться—сказаль одинъ изъ насъ.

Крикнули рабочимъ:

— Эй, на плоту!

Тѣ зашевелились, высыпали на берегъ и стали направлять костры, да котелки настораживать. Но въ это время къ намъ подошелъ господинъ въ формѣ лѣсничаго и, познакомившись, пригласилъ къ себѣ.

— Ну, какъ? Не скучаете здѣсь?—спросилъ я.

— Привычка, знаете... А потомъ, дѣла такъ много, что и скучать некогда. Почти все лѣто въ сѣдлѣ: участокъ огромный, а вездѣ надо побывать: тамъ пожаръ, тамъ порубка, здѣсь лѣсъ продать надо...

— Кабинетскій?

— Да...

— Кусочекъ добрый.

— Чего лучше. А потомъ у меня маленькое хозяйство: коровы, лошаденки, огородъ. У меня и дыни, и арбузы, и всякая всячина. Вотъ сегодня „помочь“: траву кошу, сѣно на зиму заготавливаю. Не желаете-ли поглядѣть? Картина для васъ, горожанъ, эффектная... Палаша, живо самоваръ!—крикнулъ онъ пробѣгавшей дѣвкѣ.

— Чичась...—вильнула хвостомъ, убѣжала.

Невдалекѣ, межъ рѣдкаго молодого сосняка, пестрѣли яркими цвѣтами группы мужиковъ и бабъ—мѣстныхъ черневыхъ татаръ. Большинство ихъ стояли или, растянувшись, валялись въ тѣни, но, завидя насъ, зашевелились, вскочили и съ ожесточеніемъ принялись махать косами.

— Лодыри. Пока стоишь—работаютъ, отошелъ—кончено дѣло... А вечеромъ всѣ придутъ водку пить, да угощаться; кто вовсе не работалъ, и тотъ придетъ...

Подошли вплотную.

— Помогай Богъ!..

— Пасибо, пасибо!—всѣ вразъ крикнули.

Мужики въ бѣлыхъ холщевыхъ штанахъ и рубахахъ

съ кумачными выпушками на плечахъ и подъ мышками, а бабы либо въ яркихъ ситцевыхъ, либо въ холщевыхъ, вродѣ рубахъ—платьяхъ.

Смуглые, въ большинствѣ чумазые, неряшливые, съ черными глазами и волосами, высокіе, сильные—они были красивы подъ лучами солнца и пестрѣли своими бѣлыми, желтыми, голубыми и красными нарядами, какъ цвѣтки средь буйной, густой травы.

Постояли, полюбовались. А чрезъ четверть часа сидѣли за самоварчикомъ и о томъ о семъ калякали.

— А вотъ неудобно ли яблочковъ сибирскихъ покушать... только извините, всего два осталось—предложила хозяйка и вынула изъ шкафа настоящія яблоки.

Мы ахнули:

— Какъ!.. Неужели?.. Сибирскія?!..

Мы о сибирскихъ яблокахъ знали только понаслышкѣ. А нѣкоторые сибиряки сибирскими яблоками зовутъ обыкновенную картошку.

Попробовали. Вкусно.

— Вотъ съ работами мимо пойдете,—загляните,—сказаль лѣсничій, это подъ Сайдыпомъ, верстахъ въ пятнадцати отъ Бѣи, у Глаголева.

— Непремѣнно. А кто такой Глаголевъ?..

— Старикъ очень почтенный. Бывшій чиновникъ.

Петръ Николаевичъ, товарищъ нашъ, человекъ нѣмецкой складки, учинилъ лѣсничему форменный опросъ относительно глаголевскаго сада и записалъ въ книжку. Такъ какъ мы угостились преотмѣннаго вкуса и крѣпости медовой брагой, языки наши какъ слѣдуетъ поразвязались, и мы болтали безъ умолку, подтрунивая надъ Петромъ Николаевичемъ.

А тотъ потѣлъ, фыркалъ, косясь на насъ чрезъ пенсне убійственнымъ, съ лукавой улыбкой, подслѣповатымъ взглядомъ, и пунктуально, шагъ за шагомъ, снималъ опросъ. Когда онъ дошелъ до собакъ и, при всеобщемъ хохотѣ, сталъ записывать ихъ клички, мы поняли, что пора идти спать.

Да кстати и брага въ кувшинѣ усохла изрядно.

II.

День проходилъ за днемъ, мы продвигались съ работами версты по четыре въ сутки. Съ каждымъ шагомъ передъ нашими глазами раздѣривались все новыя и новыя картины, одна другой лучше, красочнѣй.

Когда идешь по незнакомой горной рѣкѣ, никогда не угадаешь, какую еще панораму она откроетъ тебѣ... Ну, хотя бы вонъ тотъ зеленый уваль, спустившійся въ рѣку, какъ голова допотопнаго звѣря, поросшая, словно гривой, остро-конечнымъ пихтачемъ.

Смотришь и по аналогіи рисуешь себѣ зеленѣющую цвѣтами и травами поляну, видѣнную раньше вотъ за такимъ же уваломъ.

Подошелъ, заглянулъ и ахнулъ! Опять новое, опять неожиданно-прекрасное, еще невиданное.

Горы свѣсились тутъ своими оголенными каменными глыбами и отвѣсной стѣной ушли въ воду, а рѣка, торопливо обогнувъ „носулю“ увала, бросилась на эту каменную грудь и, ударившись, разсыпалась бѣлой пѣной, захохотала, заискрилась подъ лучами солнца и понеслась дальше, волна за волной, опрокидывая по пути оборвавшіеся съ утеса камни. А утесъ стоитъ да стоитъ, улыбается добродушно многочисленными очами пещеръ и вымоинъ, да, словно брови, хмуритъ онъ на челѣ своемъ морщины, подернутыя мохомъ времени.

А дальше опять айлъ, за нимъ покуривающая сизымъ дымкомъ займка...

Вечерѣтъ. Солнце вотъ-вотъ спрячется въ горахъ. Понесло холодкомъ. Запахло рѣкой и прянымъ запахомъ хвойнаго лѣса.

Плотъ нашъ, то еле двигается по гладкой поверхности воды, то, попавъ на стрежъ—несется какъ бѣшеный.

— Какъ этотъ бомъ ¹⁾ прозывается?—спрашиваю лощмана.

¹⁾ „Бомъ“—отвѣсный, скалистый берегъ, по которому идетъ тропа.

— А кто его знаетъ... Бомъ да и бомъ... Быдто прозвища нѣту...

— Ну, какъ нѣту!...—слышится съ гребей.

Говорить бородатый человѣкъ въ плисовой рубахѣ, шляпа на бекрень. Пришелъ „съ Росей“ за счастьемъ въ Сибирь.

— Второй годъ здѣсь толкаюсь, по Біи, къ татарамъ по-присмотрѣлся... Они народъ любопытный, у нихъ, мотри, кажинному ручейку, кажинной балочкѣ прозвище дадено: камень, къ примѣру, и весь-то съ кулакъ, шапкой прикрытъ, разщеперился на-двое, вродѣ вилашекъ—у нихъ прозвище: „аир ташъ“; скала ушла въ поднебесье, да козыремъ верхушечка натулилась—у нихъ опять кличка: „Карлачь-Уязы“—ласточкино гнѣздо, значить. Они, братъ, все примѣчаютъ, любятъ земельку свою, всему названье даютъ... Какъ въ святцахъ...

И, вынувъ изъ кармана горсть кедровыхъ орѣховъ, погрызъ—погрызъ, да еще сказалъ:

— А то и пѣсню сложать хорошую... Ъдетъ поетъ, идетъ поетъ... Что видитъ, про то и поетъ: рѣка—про рѣку, дѣвка—про дѣвку, орла высмотрить, про орла пѣсня сложена... Доброй души люди, что и говорить...

— Что и говорить—подхватилъ другой дядя, сибирякъ,—съ такимъ народомъ жить можно... Ничего...

А лоцманъ спросилъ:

— Ну, а какже на счетъ Глаголева господина?.. Пойдете што-ль по яблоки-то?.. Поутру какъ разъ на то мѣсто потрафимъ...

— А далеко до него отъ берега-то?..—полюбопытствовали.

— Ка-а-ко далеко,—отвѣтилъ лоцманъ,—эдакъ, какъ тебѣ сказать—не совратъ, версты четыре, либо пять, не болѣ...

— Ой, больше... Какъ-же лѣсничій добрыя пятнадцать верстъ считаетъ?..

— Мало чего тебѣ лѣсничій наскажетъ... Поди самъ—отъ и не былъ тамъ... А я скрозь это мѣсто знаю... зашурясь пройду...

— Не врешь?..

— На-вотъ тебѣ... Пошто вратъ, мы не времъ...—Оби-

дѣлся, посмотрѣлъ поверхъ нашихъ головъ на виднѣвшіеся вдали бѣляки и лощманскимъ, особымъ голосомъ, закричалъ:

— О-о-пъ!.. Ударъ лѣва-а!.. Еще раз-о-окъ!.. Опъ!..

Плотъ пролетѣлъ возлѣ самыхъ бѣляковъ, качнулся, затрещалъ въ связяхъ.

— Надо иматься, однако... темнѣть зачало... Чуть было на камень не натакались. Ишь взмыриваетъ, пропастина...

И опять заревѣлъ:

— О-о-пъ!.. Давай къ берегу-у-у!.. Бей рѣчно!!.. Бей сильно!!!!.. Еще!!.. Опъ!..

Плотъ лѣниво завернулъ къ подрѣзистому приглубому берегу и, минутъ черезъ десять, мы уже сидѣли возлѣ костровъ, кипятили чайники и сговаривались о завтрашней прогулкѣ въ фруктовый глаголевскій садъ.

III.

На другой день съ полдень мы вчетверомъ направились въ экскурсію. Перекусили кой-чего въ сухоматку, да съ тѣмъ и пошли; далеко-ль тутъ: часъ туда, часъ обратно, да тамъ часа два—къ обѣду какъ разъ вернемся.

— Такъ версты четыре, говоришь?

— Четыре, либо пять—откликнулся лощманъ.

Повѣрили: человѣкъ резонный.

— Вотъ я вамъ все обскажу, слушайте: вотъ такъ прямехонько черезъ рѣчку—курицѣ по брюхо,—Куютъ—прозывается—а тамъ заимка... Какъ заимку пройдешь, все вправо держись, все вправо—упрешься въ гору; а какъ гору перевалишь, тутъ тебѣ и Глаголевъ господинъ... Его, братъ, сразу узнаешь... Бородища-во, по поясъ... Поди сильный сталъ теперича... По бородѣ сразу придѣлишь, кто таковъ... Ну, въ часъ добрый... Со Христомъ!..

Впереди шелъ Владимиръ, высокій, лѣтъ двадцати, малый, съ покатыми, какъ у борца, плечами и въ короткой не по росту рубахѣ, за нимъ жизнерадостный, коренастый Вася съ энергичными глазами и чуть пробивающимися усиками. А мы съ Петромъ Николаевичемъ плелись сзади. Петръ

Николаевичъ былъ малый добрый, товарищъ хорошій, но трусъ, какихъ мало. И кромѣ сего обладалъ секретомъ нагонять тоску даже на самую безшабашную компанію.

— Василій Петровичъ, Василій Петровичъ—говорить онъ нуднымъ голосомъ—а, какъ думаете, тутъ есть медвѣди?

Тотъ молчитъ, словно не слышитъ.

— А, Василій Петровичъ... Есть?..

Чтобы отвязаться, Вася кричитъ раздраженно:

— Есть, есть!.. Они тутъ еще съ прошлаго года васъ караулятъ...

А вотъ и рѣчка. Поискали-поискали бродъ—нашли, перебрались по камушкамъ. А Петръ Николаевичъ—человѣкъ упрямый—пошелъ напрямикъ. И намъ видно было, какъ онъ, подобравъ полы азяма, скакалъ поперекъ рѣчки.

— Гопъ-ля... Гопъ-ля... Гопъ!.. и—какъ разъ угодили въ омутъ, чуть не по поясъ. Выругался, выползъ на берегъ. Сидитъ, отливаетъ изъ сапогъ воду, кричитъ:

— Господа, обождите меня... Я сей-ча-а-а-съ...

Дождались, опять пошли. День былъ пасмурный. Дулъ вѣтерокъ. По небу бѣжали, торопясь къ востоку, низкія облака. Пахло дождемъ и сыростью. Прошли версты двѣ. А вонь и займка. Да не одна, а цѣлыхъ, кажется, пять. Рѣчка, крутятся и извиваясь, опять пересѣкла намъ дорогу, но, слава Богу, возлѣ самыхъ займокъ чрезъ нее налаженъ изъ двухъ сплоченныхъ бревенъ мостъ. Бревна ослизли, а берега высоки и круты, да и рѣченка пыжится тутъ, переливаясь по камнямъ, какъ и заправская. Хоть страшно было, а перешли, кто ползкомъ на четверенькахъ, благо займочники не видятъ, а кто похрабрѣй—на ногахъ. Поручней не было. Займочникъ до этого еще не додумался, а можетъ, нарочно такой мостъ наладилъ: мы, дескать, ни въ комъ не нуждаемся. Да и то сказать: сюда, въ такую глушь, кромѣ урядника, никто почти изъ постороннихъ-то и не заглядывалъ никогда. А урядникъ ежели и появится за недоимкой да проползетъ лишній разъ по ослизлымъ бревнамъ, эка невидаль! За это ему жалованіе отъ казны идетъ. Итакъ, мы возлѣ займокъ.

IV.

— Молодуха, эй молодуха! — крикнули мы доившей корову женщинѣ. Повернулась, встала. Высокая, статная, съ пріятнымъ смуглорозовымъ лицомъ и бойкими привѣтливыми глазами.

— А какъ намъ на заимку Глаголева пробраться?

— Глаголева? — переспросила она нараспѣвъ.

— Да.

— Порфирия Яковлевича, што-ль?

— Да, да.

— А вамъ зачѣмъ? — заулыбалась, сверкнувъ бѣлыми, одинъ къ одному, зубами.

Мы стояли, опершись на изгородку, и тоже улыбались столь неожиданному допросу. Потомъ сказали ей цѣль нашего путешествія.

— А вы кто такіе будете?

Опять допросъ.

— Мы изслѣдуемъ Бію: глубины промѣряемъ, планы съ пороговъ снимаемъ, пробуемъ нельзя ль пароходы по рѣкѣ пустить...

— А-а-а... Водяные землемѣры, значитъ, будете?..

— Вродѣ этого...

— Такъ-такъ... — задумалась.

Тутъ одно облачко разорвалось на двое, и солнце лѣнивыми лучами стало заливать, не торопясь, окрестность. Вотъ вспыхнула серебромъ рѣчка, улыбнулись бѣлые чистенькіе домики заимки, зардѣлся ярко-зеленѣющей лѣсъ на цѣпи холмовъ. И вдругъ, что за чудо! вмѣстѣ съ радостнымъ лучемъ солнца, раздались откуда-то, совсѣмъ близко, печальные звуки похороннаго пѣнія. Мы вздрогнули, переглянулись, — посмотрѣли по сторонамъ. Да, вотъ оно что! Тамъ, за рѣчкой, въ полугорѣ, стоятъ въ неподвижныхъ, понурыхъ позахъ люди, челоуѣкъ двадцать. Двое, нагнувшись, копаютъ землю лопатами, а остальные поютъ да плачутъ. И чѣмъ ярче свѣтило солнце, чѣмъ наряднѣе

одѣвались подъ его лучами лѣса и горы, тѣмъ безутѣшнѣ плакало пѣніе. Баба отставила подойникъ. Мы спросили ее:

— Что это?

— А дѣвочку заимочники хоронятъ... Луки Митрича дочку... Сгорѣла вчера, сердешная...

— Большая?

— Да лѣтъ этакъ десяти, поди, будетъ... Охъ, родименькая моя, о-о-хъ... Глашенька ты моя... Ягодка моя боровая-а-я...

Женщина замигала часто-часто, скорбью покрылось лицо ея, засморкалась, прикрылась передникомъ и жалобнымъ голосомъ запричитала.

Изъ заимокъ, то здѣсь то тамъ, бѣжали, ловко перепрыгивая черезъ сосѣднія изгороди парни и дѣвки, молодые мужики и бабы, а старики со старухами степенно выступали изъ калитокъ, и всѣ, съ опечаленными лицами, спѣшили туда, къ тому залитому солнцемъ зеленому увалу, гдѣ хоронили дѣвочку.

— Охъ, милые мои, побѣгу... охъ, побѣгу... Охъ, Глашенька ты моя...

И, причитая, направилась къ калиткѣ.

— Она родная что-ли тебѣ?

— Не родная, да лучше родной... Мы здѣсь—всѣ родные..

Пошли рядомъ съ ней.

— Какъ же сгорѣла-то она?

— Да какъ... Знамо, грѣхъ!.. Отецъ-то съ матерью въ городъ за товаромъ уѣхали вчера, — торговцы они, — и по сейчасъ еще нѣту ихъ, баушка одна слѣпая. Сами-то не ранѣ, какъ въ воскресенье пріѣдутъ. Ну, а дѣвочка-то, знамо, ума нѣтъ, разложила костеръ во дворѣ, картошку варить себѣ съ баушкой къ ужину, анъ платишко то у ней возьми да и займись полымемъ...

Баба засморкалась, сморщилась вся, всхлинула раздругой и, успокоившись, продолжала:

— Взнялась огнемъ вся, несчастненькая, да съ перепугу видно и языка лишилась. Подала голосъ, когда ужъ почернѣла вся... Промаялась ночь-то, а къ утру вотъ и предста-

вилась... Ласковая такая, да обходительная была. Всѣ заимочники въ голосъ ревѣли возлѣ нея всю ноченьку... Да гдѣ тутъ... Не святъ духъ, не поможешь...

— А доктора нѣтъ по близости?

— Како тутъ доктора, попа-то и того нѣтъ, вишь, сами хоронимъ. Вотъ батькѣ съ маткой горе-то будетъ!..

Остановилась, посмотрѣла на насъ заплаканными глазами и сказала:

— А вы вотъ по ефтой дорожкѣ такъ и идите, все по заколку, по заколку, никуда не задавайтесь, ни вправо, ни влево... Дойдете до Комаровой заимки, а тамъ и къ Глаголеву дорогу спросите...

— А далеко еще до Глаголева-то?

— А кто-е знать... У насъ не мѣряно... Верстъ, поди, съ десятокъ набѣжитъ...

— Съ десятокъ?!—удивились мы.

— А кто-е знать... Може и менѣ... Ну, прощайте, пока... Мы постояли съ минутой и пошли дальше.

— А вы яичекъ свѣженькихъ не купите, либо шанежекъ—крикнула намъ въ догонку и, когда мы отказались, опять прозвенѣла серебристымъ молодымъ голосомъ:

— Ну, въ часъ добрый!

И бѣгомъ—заторопилась къ могилкѣ.

V.

Пока дорога шла у подножья холмовъ, по сухому мѣсту, подвигались впередъ быстро, но вотъ, одно за другимъ, стали попадаться небольшія болотца. Дорога совершенно терялась въ нихъ, а для пѣшиходовъ по обочинамъ, наложены были, чрезъ бѣгущіе тутъ ключи, переходы изъ жердочекъ. И по мѣрѣ того, какъ болота попадались все чаще и чаще, путь становился труднѣй. Каждый изъ насъ запасся по дорогѣ хорошимъ коломъ и, балансируя, какъ по канату, перебирался по жердочкамъ чрезъ опасное мѣсто.

— Гопъ-ля, гопъ-ля-гопъ!—выкрикивалъ отчаянно Петръ Николаевичъ и на самомъ вязкомъ мѣстѣ неуклонно срылся въ болото.

Отсталъ отъ насъ изрядно:

— Эй, господа... я быстро не могу... я челоуѣкъ близо-ру-у-кій...

Приходилось ждать.

А солнышко опять спряталось за тучи, и началъ накрапывать дождикъ. На душѣ стало грустно и отъ только что видѣнной картины, и отъ плохой дороги, и отъ обложеннаго свинцовыми облаками неба. Ноги ныли, нервы отъ постоянного напряженія устали, стучало сердце. А время шло да шло. Ужъ скоро четыре часа, а заимки что-то не видно. Вотъ тебѣ и пять верстъ!.. Стали ругать лоцмана, заочно посылая его ко всѣмъ чертямъ.

— Господа, заимка!—крикнулъ Владимиръ, шедшій саженьяхъ въ пятидесяти отъ насъ.

— Далеко?

— Нѣтъ... Версты двѣ будетъ... Съ гакомъ...

— Тьфу, чортъ ее задави!..

Идемъ дальше, ругаемся.

Вдругъ залилась собака, за ней другая.

— А вѣдь мы, господа, верстъ восемь добрыхъ отбрыкали—сказалъ кто-то.

Собаки набросились, точно съ цѣпи сорвались, и не смотря на окрики и цыканье дѣвченки, сидѣвшей подъ окномъ домика, онѣ до тѣхъ поръ насакивали на насъ, задравъ хвосты и скаля острые зубы, пока не съѣздили одну изъ нихъ вдоль спины жердью.

— Дѣвочка, а дѣвочка!

— Ну, чо надо?..—пропишала та.

— Глаголеву заимку знаешь?..

— Ну, знаю...

— Какъ пройти туда?

— Вонъ, э-эвона крыши - то выглядываютъ изъ лѣску...

— Тутъ и есть Глаголевъ?

— Какъ бы не такъ... Нѣтъ, братъ, до него еще пошагаешь. Это только еще Наумовска заимка. Дойдешь, спросишь...

— Какъ Наумовска, что ты мелешь?..—возмутились мы—намъ же сказали, что отъ Біи верстъ пять до Глаголева...

— Вотъ те и пять...Нѣтъ, братъ, пошагашь...Отседова верстовъ, поди, восемь будетъ..

Мы расхохотались ей прямо въ глаза:

— Ничего ты не смыслишь, дѣваха!...

И пошли по дорогѣ впередъ. А побитая собаченка изловчилась таки подкрасться сзади и сцапать за ногу отставшаго Петра Николаевича. Хамкнула и, поджавъ хвостъ, быстро отскочила въ кусты. Тотъ ахнулъ дикимъ голосомъ, торнулся носомъ, вскочилъ, опять упалъ и тогда только закричалъ, какъ заплакалъ:

Господа...погодите...я пенснэ обронилъ...

Но ждать мы не желали.

Вася крикнулъ:

— Скорѣ идите...Вы насъ погубите... Ночь на дворѣ, а тутъ волки бѣшеные рыщутъ по болотамъ...

— Серьезно?!—стонетъ Петръ Николаевичъ и, не дождавшись отвѣта, подбираетъ повыше полы и рысью догоняетъ насъ.

Дѣйствительно, стало темнѣть: время предосеннее.

VI

Сразу же за займой болота кончились и дорога, опушенная буйнымъ кустарникомъ, пошла въ гору и скоро врѣзалась въ молодой лиственный лѣсъ, за которымъ синѣли вдали таежныя дебри. Шли быстро. Страшно хотѣлось ѣсть, но желаніе скорѣй достигъ цѣли подбавляло намъ силы и бодрости. Подсмѣивались надъ собой, надъ шустрой дѣвченкой, надъ лоцманомъ, и всѣ были увѣрены, что видѣвшаяся вдали займка и есть нечто иное, какъ Глаголевскій рай.

А вотъ и лѣсокъ. Стоитъ себѣ, притихъ, нахмурился.

Дорога опять стала грязной, и мы направились возлѣ нея, по опушкѣ.

Ранняя здѣсь осень успѣла уже наложить руку на теряющіе свои ризы лѣса. Предъ этимъ были два-три утренняя. Кой гдѣ поблекла травка, стали желтѣть помаленьку да осыпаться листья березъ и осинъ. За то боярка, да

бузина съ рябиной стояли разрумяненные всѣми цвѣтами теплыхъ тоновъ отъ ярко-кирпичнаго до густо-фіолетоваго, почти сизаго. И гроздья ихъ свѣшивались красными шапками, какъ бы приглашая сорвать и отвѣдать впитанные ими лучи солнца, запахъ вѣтра, да соки земли.

Костяника такъ рдѣла на яркой зелени лѣсной травы, что даже и въ сумеркахъ бросалась въ глаза своими холодными, алыми, какъ кровь, ягодками. Срывали и ѣли, чтобъ утолить жажду. Вдругъ лѣсокъ разбѣжался въ стороны, и сразу, по склонамъ увала, встала предъ нами заимка. Все здѣсь жило, двигалось. Множество коровъ толкались тутъ возлѣ домовъ и домишекъ. Сновали собаки, храпѣли, помахивая хвостами, лошади. Бабы съ подойницами и ребятишки суетились, галдѣли. Мужиковъ не было видно. Впрочемъ подъ окномъ одной заимки бородастый дядя обихаживалъ, съ молоткомъ въ рукахъ, сѣнокосилку. Кой-гдѣ въ окнахъ мерцали огоньки. А тутъ же почти рядомъ, въ ложбинѣ, за мостикомъ чрезъ рѣчку, виднѣлся обнесенный новымъ досчатымъ заплотомъ участокъ земли и среди него два „справныхъ“ — дома.

Мы сразу догадались:

— Наконецъ-то, Глаголевъ.

Очень обрадовались. Вася подбоченился, заулыбался, и, чтобъ попробовать голосъ, запѣлъ весело:

„Конченъ, конченъ дальній путь“...

Мы тоже, кто какъ умѣлъ, подхватили, и радостные, направились было къ тѣмъ домамъ, но Петръ Николаевичъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ премудрый, сказалъ:

— Не лучше-ль намъ справиться, пустятъ-ли туда ночевать?.. Эй, тетенька, а, тетенька! подойдите-ка на минутку.

Тетенька одернула подолъ, подошла. А потомъ подошелъ и волосатый дядя.

— Вѣдь это, если не ошибаюсь, Глаголева заимка?

Мы стояли, улыбались и нетерпѣливо ожидали утвердительнаго отвѣта.

Баба молча почесала задъ, а дядя кашлянуль въ кулакъ, зѣвнуль не торопясь, взглянуль на насъ искоса, спросилъ:

— А вы кто такіе сами-то?

И опять пришлось „начинать сначала“.

— Да эта заимка Глаголева, что-ль? — почти крикнули мы.

— Которая?..

— Да вотъ...

Повернуль опять, не торопясь, голову, посмотрѣль прищуренными подслѣповатыми глазами на бѣлый заплоть, и также медленно перевелъ глазъ на насъ:

— Вотъ эта?—указаль рукой.

— Ну, да?!—горячились мы.

— Дакъ вы кто такіе сами-то?..

— Тьфу!.. Тетенька, милая, хоть ты скажи, Бога ради...

Та утерла проворно носъ указательнымъ пальцемъ и бухнула:

— Нѣтъ еще до Глаголева упрѣшь, мотри... Рубаху-то выжмешь...

Мы такъ и присѣли отъ изумленія и тупой злобы ко всему на свѣтѣ.

Петръ Николаевичъ пожелтѣль сразу—что случилось съ нимъ всегда, когда онъ злился,—и, взглянувъ чрезъ пенснэ въ плутоватое лицо бабы, унылымъ голосомъ, не безъ яда, сказалъ:

— Чтобъ вамъ, тетенька, типунъ на языкъ за ваши слова.

Та, усмѣхнувшись, отвѣтила.

— Въ ефтомъ разѣ ужъ мы не виноваты... А только что до Глаголева еще верстовъ пять будетъ...

Мы стали втроемъ совѣщаться—какъ быть, а Петръ Николаевичъ продолжалъ въ томъ же духѣ:

— А у васъ, тетенька, мужъ есть?

— Неужли—безъ мужа... знамо есть...

— Чтобъ у него борода отсохла, тетенька...

— Вотъ, дурной... Да чо ты, въ умѣ?.. Ха-ха-ха... Ну и дурно-о-о-й...

— Да ка-а-кже,—хнычетъ Петръ Николаевичъ,—обида вѣдь: пѣрли-пѣрли, верстѣ десять пробухали; я глубину всѣхъ болотъ перемѣрялъ, въ грѣчкѣ выкупался, иззябъ,

кушать хочется, и вдругъ— пять верстъ еще... У-ю-ю-ю...— и Петръ Николаевичъ сокрушенно закрутилъ головой...

Мнѣнія раздѣлились. Я да Вася во чтобы-то ни стало рѣшили доползти до Глаголева,—все одно: день потерянъ, а путешествіе по тайгѣ ночью интересно новизной впечатлѣній,—а двое другихъ настаивали переночевать здѣсь, чтобъ утромъ, чуть свѣтъ, тронуться въ путь.

Мотивировка ихъ сводилась всего къ двумъ словамъ:

— Ночь...—тайга...

А для насъ двоихъ, наоборотъ, это-то и служило приманкой. Наконецъ, намъ удалось склонить Владимира, а за нимъ долженъ былъ подчиниться рѣшенію большинства и Петръ Николаевичъ.

Распрощались

— А то ночевали-бы... у насъ нонѣ слободно: хозяина нѣтъ...—сказала тетка, обхвативъ руками прущую наружу грудь, и насмѣшливо улынулась.

Однако, пошли.

— Мотри, никуда не свертывай... Они будутъ сверточкн, а вы все прямо, все прямо; да на лѣву сторону все посматривайте... Огонь на горѣ увидите—тутъ тебѣ и Глаголевъ живетъ.

Когда прошли шаговъ двадцать, Петръ Николаевичъ, хлопнувъ ладонью сначала по одному карману, потомъ по другому, вынулъ записную книжку съ карандашемъ и, остановившись крикнулъ, стараясь придать игривость своему плаксивому голосу:

— Эй, тетенька!..

— Ну, чо еще?..

— А какъ ваша дѣвичья фамилія?

Мы шагали втроемъ дальше; а тетка рассыпалась мелкимъ смѣшкомъ и весело закричала:

— А подь ты отъ меня!.. Стекланные твои глаза... Просмѣшникъ...

Мы хотѣли было раскатиться хохотомъ, но, вспомнивъ, что Петръ Николаевичъ человѣкъ премудрый, и что не зря-же онъ допытываетъ тетку, отъ смѣха, по молчаливому уговору, воздержались.

VII.

У займки, въ полугорѣ, сумерки только что наступили но въ низинѣ, куда мы спустились, чувствовалось, что чрезъ полчаса, много—часъ, наступитъ ночь.

Ну и отлично. Дорога шла лугомъ, и по бокамъ ея, то здѣсь, то тамъ вздымались душистые стога свѣжаго сѣна. Вонъ туманъ стелется, цѣпляясь за кусты: должно быть, у горы болотце. Пронеслось надъ нами стадо утокъ, за нимъ—другое. Вася вскинулъ ружье, но опоздалъ. Опять стогъ, огороженный жердями. А вдали, куда бѣжить дорога, что-то чернѣетъ. Мы знаемъ, что это тайга.

По полянѣ попадаются деревья, въ одиночку и цѣлыми островками. Налѣво, рядомъ съ ними, темные увалы холмовъ. Гдѣ-то стучитъ топоръ. Это, навѣрное, доканчиваютъ проську рабочіе землемѣра, межующаго землю—такъ сказали намъ на займкѣ.—Идемъ быстро и, чтобъ не скучно было, поемъ пѣсни.

Вдругъ дорога разлетѣлась въ разныя стороны: одна вправо, другая влѣво, а третья—междъ ними. Пошли прямо, какъ учила насъ тетка. Но та дорога скоро разбилась опять на три, изъ нихъ одна, что поменьше, круто завернула влѣво. Вотъ тутъ-то мы и призадумались. Пошли на развѣдки.

А кругомъ становилось темнѣй да темнѣй.

Лѣвая перешла скоро въ проську, съ вѣшками посрединѣ, и тамъ затерялась куда-то, правая—увязла въ болотѣ, пошли по средней.

Стало холодѣть. Справа тоже показались горы. А въ небѣ ни звѣздочки: сѣрое-сѣрое, непривѣтливое, висѣло оно надъ нами. Шли мы хмурые, не увѣренные—туда-ли идемъ.

Опять утки. Вася прицѣлился. Глухо раздался выстрѣлъ и замеръ; а чрезъ секундъ пять вдругъ предъ нами въ горахъ что-то грохнуло и мягкими, рокочущими звуками покатилося—покатилося, дальше да тише, и, не успѣвъ замереть, съ новой силой загрохотало вправо, разсыпалось, притихло, перебросилось влѣво, тамъ грохнуло и такимъ же

мягкимъ, все убывающимъ рокотомъ унеслось вдаль и пало гдѣ-то въ тайгѣ.

Мы стояли, какъ зачарованные, и слушали:

— Вотъ такъ эхо!

Опять выстрѣлили и слушали вновь.

Потомъ сильными голосами взяли аккордъ:

А-а-а!!..

Укатились звуки, замерли, и вдругъ, въ разныхъ мѣстахъ, одна за другой, гармоніей откликнулись горы. Это было такъ необычно, такъ трогательно и красиво, что мы повторяли еще и еще, забывъ о дорогѣ. Однако, пошли. Нашъ путь пересѣкла какая-то хорошо проторенная дорога, а сажень черезъ сто—другая. Чортъ знаетъ, сколько дорогъ!..

— А вѣдь мы, господа, заблудились!.

— Ну, вотъ еще...

Но всѣ мы чувствовали, что навѣрное сбились съ пути... А сумракъ ближе, да ближе. Вотъ кончается скоро поляна, и тайга поглотитъ насъ всѣхъ.

Вася сзади кричитъ:

— Обождите, пистоны я потерялъ сейчасъ!..

Плохо. Въ тайгѣ безъ ружья плохо.

Петръ Николаевичъ почувствовалъ это сильнѣе всѣхъ, и первый побѣждалъ на помощь Васѣ.

Искали съ полчаса: все сажень на десять выползали, найти не могли. Сожгли полкоробки спичекъ.

— Я, господа, дальше не пойду, я лучше вернусь,—говоритъ Петръ Николаевичъ, и не получивъ отвѣта, предлагаетъ:

— Давайте-ка, пока не поздно, залѣземте до утра въ стогъ...

Но мы схватываемъ его подъ руки и толкаемъ впередъ.

Поляна кончилась, пошелъ перелѣсокъ, за нимъ—тайга. Темная—темная приняла она насъ, но мы люди бывалые—не боимся, идемъ.

Стало такъ темно, что мы больше не видимъ другъ друга, только два бѣлыхъ картуза сѣрѣютъ, да слышатся хлюпающие шаги по грязной, послѣ дождя, дорогѣ.

— Стопъ!.. Ухъ,—язви те!..—Слышится время отъ времени недовольный голосъ Петра Николаевича: должно быть натывается на деревья, да пни.

Заухалъ, заржалъ гдѣ-то филинъ. А ему откликнулся другой.

— Животная ночная...—сказалъ Вася и спросилъ:—А вы, Петръ Николаевичъ, животная какая?

Тотъ, помедливъ, жалобно отвѣчаетъ:

— Денная...

— А зачѣмъ же вы, на ночь глядя, пошли?..

— По глу-у-пости... Я думалъ, что близко... Кабы зналъ—не пошелъ-бы.

Впереди всѣхъ хлупаетъ Владимиръ.

— Господа,—кричитъ онъ,—дорога пропала!..

Подошли. Ползаетъ на четверенькахъ и щупаетъ руками землю. Мы очутились на какой-то сплошь истоптанной копытами полянѣ. Ползаемъ сами, щупаемъ, ничего не можемъ понять...

— Сюда, господа, сюда!..—опять кричитъ Владимиръ—нашелъ!..

Спотыкаясь и падая, бѣжимъ на голосъ. Вѣрно, дорога... Но не другая-ли? Ну, да теперь все равно. Идемъ. Чувствуемъ, что свалили дурака, не оставшись ночевать на заимкѣ.

Кто-то изъ насъ сказалъ:

— А вѣдь эта дорога идетъ, пожалуй, на пріиски, что по Лебеди... Верстъ сто пройдешь и жилья не встрѣтишь...

Въ тайгѣ что-то хрустнуло.

— Не медвѣдь-ли?!..

А ружья нѣтъ, безъ пистоновъ оно—палка.

— Ребята, медвѣдь!!..

И мы сразу, что есть силы, заорали, чтобъ напугать.

— Это я—а-а...—стонетъ въ отвѣтъ Петръ Николаевичъ.—

Гдѣ тутъ дорога-то?..

Вдругъ, среди тьмы, откуда-то сверху, съ увала, что съ лѣвой руки, яркій женскій голосъ:

— Э-го-о-о-ой!..

Ахъ, какъ обрадовались мы тогда. Боже, какъ обрадовались!

— Огонекъ, огонекъ на горѣ...

— Гдѣ?..

Погасъ огонь и больше не появлялся.

Мы принялись кричать всѣ вразъ...

Голосъ не откликался.

— Глаголевъ!.. Глаголевъ!..

Слышимъ:

— Э—э-э-эй!..— кричитъ опять женщина, гдѣ-то далеко— далеко, чуть слышно и, какъ будто, въ другомъ уже мѣстѣ.

— Гла-го-левъ!.. Гла-го-левъ!..

Молчаніе. Кричали полчаса. Ни звука...

Вася зарядилъ ружье, насыпалъ въ капсюлю пороха, а Владимиръ поджегъ. Ружье плюнуло полымемъ, грохнуло, заорало. Но вновь тишина, и только слышно было, какъ тяжело дышали наши груди.

— Это — русалка...

Кто-то сказалъ глупость—а морозъ подралъ по кожѣ, чакнули зубы.

— Русалочка, милая, захохочи!.. Зачѣмъ и куда завела ты насъ?—шутилъ Вася.

— Я бы предложилъ, господа, идти налѣво, прямо къ тому мѣсту, откуда кричали...—сказалъ Петръ Николаевичъ.

Но сообразивъ, что ночью по незнакомой тайгѣ ходить опасно—можно погибнуть—рѣшили идти впередъ, не теряя дороги:

— Авось дойдемъ, хоть къ утру, до какой-нибудь заимки.

Голодъ совсѣмъ пропалъ, только ноги дрожали, да въ груди ползали злоба и жуть.

VIII.

Когда мы, достаточно измучившись, начали мало-по-малу терять мужество, всталъ передъ нами непріятный вопросъ:

— Что-же дѣлать?

Назадъ идти, на заимку—безразсудно: въ такой тѣмѣ не найти даже стога сѣна. Ночевать въ тайгѣ—безъ ружья.

опасно. И кромѣ того, стало холодно. Положеніе было не изъ пріятныхъ. Рѣшили: ошупью подвигаться впередъ. Хоть на душѣ у насъ было больно плохо, но тамъ гдѣ-то на днѣ, какъ уголекъ въ золѣ, чуть мелькала надежда: авось! Молча шли кой какъ впередъ. Останавливались, прислушиваясь къ тайгѣ. Но ни звука, ни шороха. Да полно, есть-ли тайга-то? Такъ темно и тихо.. Не погибъ ли я? Существуетъ-ли что нибудь возлѣ меня, кромѣ тьмы, тишины и жути. А, можетъ быть, сонъ?

— Господа... тихо спрашиваю я.

Отвѣчаютъ. Это хорошо. Хоть дрожащими голосами отвѣтили, а на душѣ стало легче.

— Господа—стараюсь говорить громко—давай-ка нащупаемъ березу, надеремъ бересты, факеловъ понадѣлаемъ и съ пѣснями пойдѣмъ впередъ.

Предложеніе принимается, и чрезъ минуту Петръ Николаевичъ кричитъ:

— Е е-сть береза...

Вотъ зажгли факель, за нимъ вспыхнулъ впереди другой. Тьма разступилась, запрыгала. Всюду поползли черныя тѣни отъ насъ самихъ, отъ стволовъ и пней. Береста фыркала, трещала, а густой дымъ клубился ввысь, сливаясь съ чѣмъ-то чернымъ, бездоннымъ. Струдились всѣ, пошли проворно, пока горятъ огни. Вдругъ видимъ: претъ на насъ изъ тьмы какое-то сѣрое чудище, храпитъ.

— Стой, стрѣлять буду! — Слышится незнакомый окрикъ...—Вы кто такіе?!...

А у насъ возьми да, какъ на грѣхъ, факелы и погасни.

И опять стала тьма. Охъ, какая зловѣйшая была минута.

Ббахъ!!!—грохнулъ вдругъ выстрѣлъ...Ббахъ!!!!—другой.

— Да ты ошалѣлъ?!—какъ зарѣзанные, заорали мы...

— А вы кто такіе?—Опять злой годось прорѣзалъ тьму, совсѣмъ близко отъ насъ.

— Гдѣ Глаголевъ живетъ?

— Я вамъ такого Глаголева покажу, что унеси Богъ тепленькихъ!..—загремѣлъ голосъ, и слышно было, какъ сломилось ружье, какъ встались въ стволы свѣжіе патроны.

— Мы не жулики, мы вотъ кто...

— А-а-а,—болѣе дружелюбно протянулъ голосъ и добавилъ совсѣмъ мягко:—А-то, кто-е знать... Вотъ прошлымъ лѣтомъ такъ же, было укокошили насъ... Съ пріисковъ, должно...

Трясущимися отъ волненія руками зажгли факель. Глядимъ—стоитъ предъ нами верховой, здоровенный, на бѣломъ конѣ, мужикъ и угрюмо щупаетъ насъ глазами, держа наготовѣ ружье. Замѣтивъ, должно-быть, двѣ форменныя фуражки—успокоился окончательно.

— А я съ сосѣдней заимки, съ версту подалъ отсюда. Промежъ насъ, вишь, уговоръ съ Глаголевымъ: ежели у него ночью выстрѣлъ—я къ нему должонъ на помощь, а у меня—онъ ко мнѣ... Такъ это вы стрѣляли-то даве?..

— Гдѣ жъ Глаголевъ-то?...

— А вотъ на горѣ, противъ насъ... Какихъ-нибудь сто печатныхъ сажень...

— Сдѣлай милость, проводи, полтину дадимъ...

Согласился:

— Ну, я впереди, а вы не отставай, держись прямо за лошадыю... А то тутъ ключикъ... Айда!

Такими ослѣпительными улыбками сіяли наши фізіономіи, что, кажется, было бѣ свѣтло и безъ факеловъ.—Шли, хохотали, рассказывая заимочнику наши злоключенія.

Хохоталъ и онъ.

— Еще какъ вы на звѣря не натакались...

— А есть тутъ?—хриплымъ шопотомъ, спросилъ Петръ Николаевичъ.

— Тутъ-то? Ха-ха... Сколь хошь.

Петръ Николаевичъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и зашагалъ ближе къ лошади, пугливо косясь по сторонамъ. Наконецъ, миновали ключикъ, поросшіи колючими кустами кочкарника, и уперлись въ гору.

— Глаголе-евъ!.. Эй, Глаголевъ...—закричалъ всадникъ. Мелькнулъ вверху огонекъ, и женскій голосъ отвѣтилъ:

-- Что-о-о?..

— Ты, Аннушка?

— Я...

— Вотъ гостей пымаль... Господа къ вамъ идуть въ гости... Сады смотрѣть... Самъ-отъ старикъ спить?

— Нѣтъ еще...

— Ну такъ вотъ, примайте...

И, обратясь къ намъ, сказалъ:

— Ну, давайте деньги... Вотъ по этой тропкѣ царапайтесь вверхъ. Какъ разъ въ калитку...

Я порылся въ кошелкѣ и сунулъ провожатому въ руку полтину. Тотъ завозился въ сѣдлѣ, чиркнулъ спичку и внимательно осмотрѣлъ монету: не надули-бы!

— Ну, благодаримъ... Прощайте-ка...

И, отъѣхавъ, крикнулъ сквозь тьму:

— А я, грѣшнымъ дѣломъ, такъ и подумаль что вы, современемъ, ворначье.. Ха-ха-ха!.. Ужъ извините...

IX.

Наконецъ-то. Предъ нами домикъ окна въ четыре. Крылечкомъ выходитъ во дворъ, застроенный сарайчиками, клѣтушками, навѣсами. Хотя наружная дверь была настежъ, однако, доступъ въ сѣни преграждался низенькой, страннаго устройства, калиткой, а за ней, по поясъ скрытые, стояли сгрудившіся трое: высокій съ огромной окладистой бородой старикъ, молоденькая, лѣтъ шестнадцати дѣвушка, да пожилая женщина. Старикъ держаль фонарь и, сдѣлавъ руку козырькомъ, пристально разглядываль насъ. Лица ихъ были блѣдны, глаза свѣтились тревогой и любопытствомъ.

— Вы кто такіе, господа?...

Здороваемся, называемъ себя...

— А-а...—такъ-такъ... Милости просимъ, милости просимъ...—а самъ калитку не отмыкаетъ. Начался допросъ: какъ про него узнали, почему заблудились, кто стрѣляль? Наконецъ, протянулъ, перегнувшись чрезъ калиточку, руку:

— Ну, здравствуйте-ка.. Вотъ теперь пожалуйста.—Вынулъ изъ скобокъ запоръ, отворилъ дверцу.

— Аннушка, внеси ружьишки-то въ комнату...

Та, конфузливо улыбнувшись, взяла стоящія въ углу три ружья и, хихикнувъ, скрылась въ комнаты, а старикъ сказалъ:

— Вы, милостивые государи, изрядно-таки напугали насъ... вишь, какой гостинецъ былъ для встрѣчи приготовлень... Ужъ, извините... Живемъ въ страхѣ... Мѣсто глухое... Вотъ также прошлымъ лѣтомъ...

И онъ разсказалъ, какъ ихъ чуть не убили какіе-то проходимцы съ золотыхъ пріисковъ.

— Это не вы ли намъ голосокъ подавали?—спросилъ Вася дѣвушку. Та суетилась, накрывала на столъ, возилась возлѣ самовара.

— Я...—улыбнулась, стрѣльнувъ глазами.

— А мы васъ за русалочку приняли. Почему-жъ вы не откликнулись намъ, злодѣйка?

— Потому, какъ Порфирій Яковличъ не велѣли. Мы попервости подумали, что евоный сынъ съ города ѣдетъ, Михайло... А потомъ слышимъ—нѣтъ: чужіе, да много...

— Не только кричать... хе-хе-хе,—смѣялся старикъ,—я и огонь-то велѣлъ въ дому погасить... Въ тайгѣ опаска не вредить... А народъ всякій бываетъ... Иной хуже звѣря...

— Сколько верстъ до Бѣи считаете? Мы оттуда шли...

— Семнадцать...

— Семнадцать?!.. Ллловко!!...

Мы съ такимъ волчьимъ аппетитомъ набросились на свѣжее роскошное сливочное масло, на чай, на душистый, только что подрѣзанный медъ, что,—не знаю, какъ товарищамъ,—а мнѣ было-таки стыдненько.

Насъ засыпали вопросами. Мы отвѣчали, сами спрашивали, много смѣялись, но что отвѣчали и о чемъ спрашивали—хорошенько не помню, очень хотѣлось спать. Да и товарищи изрядно позѣвывали.

Помню только очень хорошо, какъ среди чая Глаголевъ куда-то исчезъ съ ключами и фонаремъ, и минутъ черезъ десять явился съ яблоками въ корзинѣ.

Всѣ мы очень дивились, всячески разсматривали яблоки: и на ладони взвѣшивали, и на свѣтъ смотрѣли. Наконецъ, стали ѣсть. Петръ Николаевичъ, по обыкновенію своему,

священнодѣйствовалъ. Чрезъ полчаса мы разбросили на полу свои „азямы“ и кой какую хозяйскую „лопотину“, грохнулись, какъ попало, и уснули богатырскимъ сномъ.

X.

Въ путь двинулись, неся по очереди два пудовыхъ ящика меду. Потомъ, на полдорогъ этотъ медъ мы трижды проклинали, такъ какъ ящики оттянули намъ руки. Мой ящикъ былъ связанъ личной веревкой съ большой петлей. Я умудрился петлю надѣть на шею, и ящикъ все время тянулъ меня впередъ, нагибая къ землѣ. Я пыхѣлъ, спотыкался на кочки, но все-таки кое какъ подвигался. Дорога была скверная, и ее тоже пришлось проклясть трижды.

Назадъ шли ровно пять часовъ.

Домой пришли втроемъ: Вася остался у молодой красивой заимочницы—купить свѣженькихъ яичекъ, да шанежекъ...

— Эй, позовите-ка сюда лопмана!

Пришелъ. Взглянулъ на насъ—смекнулъ, въ чемъ дѣло—стоитъ, виновато улыбается. Глаза бѣгаютъ.

— А сколько верстъ отсюда до Глаголева?

Молчитъ, смотритъ на насъ, улыбается. Потомъ снялъ картузь, изо всѣхъ силъ поскребъ темя, опять надѣлъ и тогда только, съ виноватой ужимочкой, отвѣтилъ:

— Да верстъ, поди, шесть... Либо девять...

Мы взяли за бока и покатались со смѣху.

А лопмамъ, поцапывая по очереди то бока, то спину, бубнилъ:

— Кто-е знать... Знамо, не мѣряно... Все говорили, быдто, что четыре.

Вяч. Шишковъ.

